

Артур Конан Дойл

Ритуал Масгрейвов

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл
Ритуал Масгрейвов

«ЭКСМО»

1893

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Ритуал Масгрейвов / А. Дойл — «Эксмо», 1893

«В характере моего друга Шерлока Холмса меня постоянно поражало одно противоречие: хотя в мышлении он был аккуратнейшим и методичнейшим человеком на всем белом свете, и хотя в одежде он соблюдал определенную чинность, личные привычки превращали его в одного из самых неряшливых людей, которые когда-либо доводили до исступления тех, кто делил с ним кров. Не то чтобы в этом отношении я сам был уж таким великим аккуратистом. Тяготы работы в Афганистане вдобавок к природной богемотности характера сделали меня более безалаберным, чем подобает врачу...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1893
© Эксмо, 1893

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Артур Конан Дойл Ритуал Масгрейвов

В характере моего друга Шерлока Холмса меня постоянно поражало одно противоречие: хотя в мышлении он был аккуратнейшим и методичнейшим человеком на всем белом свете, и хотя в одежде он соблюдал определенную чинность, личные привычки превращали его в одного из самых неряшливых людей, которые когда-либо доводили до исступления тех, кто делил с ним кров. Не то чтобы в этом отношении я сам был уж таким великим аккуратистом. Тяготы работы в Афганистане вдобавок к природной богемотности характера сделали меня более безалаберным, чем подобает врачу. Но и у меня есть свой предел, и, когда я встречаю человека, который хранит свои сигары в угольном совке, свой табак в носке персидской туфли, а ждушую ответа корреспонденцию прищипливает складным ножом к деревянной каминной полке, я начинаю принимать добродетельный вид. Кроме того, я всегда считал, что упражнениями в пистолетной стрельбе следует заниматься сугубо под открытым небом, и когда Холмс в одном из странных своих настроений располагался в кресле с пистолетом, стрелявшим при легчайшем нажатии на спусковой крючок, с сотней патронов и принимался украшать противоположную стену патриотическим «V R»¹ из пулевых отверстий, я болезненно ощущал, что это не способствует ни улучшению атмосферы, ни внешнему виду нашей гостиной.

Наша квартира всегда была полна химикатами и сувенирами на память о преступниках, и они вечно умудрялись проникать куда не следует, оказываясь в масленке или даже в еще более неподходящих местах. Однако величайшим моим крестом были его бумаги. Он питал ужас к уничтожению старых документов, особенно имевших отношение к его прошлым делам. Тем не менее раз в год или около того он собирался с силами, чтобы пометить и рассортировать их; ведь, как я уже упоминал в этих беспорядочных воспоминаниях, взрывы яростной энергии, когда он добивался триумфов, с которыми ассоциируется его имя, затем сменялись приступами летаргии, когда он лежал на диване со своей скрипкой и книгами, почти не вставая, разве только чтобы перейти к столу. И тогда месяц за месяцем его бумаги вновь накапливались, пока все углы его комнаты не оказывались завалены сотнями рукописей, которые без разрешения владельца не то чтобы сжечь, но даже и тронуть не смел никто. Как-то в зимний вечер, когда мы вместе сидели у камина, я осмелился намекнуть, что поскольку он завершил наклейку вырезок в свою тетрадь, то мог бы потратить ближайшие два часа на то, чтобы привести комнату в более жилой вид. Законность моей просьбы он отрицать не мог, а потому с довольно-таки огорченным лицом пошел в свою спальню, откуда появился, волоча за собой жестяной сундук. Он поставил сундук посреди гостиной, примостился перед ним на табурете, откинул крышку, и я увидел, что сундук уже на треть полон пачками бумаг, перевязанных красным шнуром.

– Тут дел с избытком, Ватсон, – сказал он, глядя на меня с мягкой насмешкой. – Думаю, знай вы обо всем, что у меня тут уложено, вы попросили бы вытащить кое-какие наружу, а не укладывать новые внутрь.

– Значит, это записи ваших первых дел? – спросил я. – Мне часто хотелось иметь заметки об этих делах.

– Да, мой мальчик, все тут завершилось преждевременно, до того как появился мой биограф, дабы прославить меня. – Он приподнимал пачку за пачкой с нежной бережливостью. – Не все они завершались успешно, Ватсон, – сказал он. – Но среди них несколько недурных проблем. Вот запись о Тарлетонских убийствах; и дело Вамберри, виноторговца; и приключе-

¹ V R – «Victoria Regina» – Виктория Королева (лат.).

ние русской старухи; уникальное дело с алюминиевым костылем, а также полный отчет о колченогом Риколетти и его отвратительной жене. А вот... да-да! Это и правда кое-что *recherché*².

Он погрузил руку на самое дно сундука и вынул деревянную шкатулку с выдвижной крышкой, такую, в каких хранятся детские игрушки. Из нее он извлек смятый листок бумаги, старинный медный ключ, колышек с намотанной на нем бечевкой и три заржавелых металлических диска.

– Ну, мой мальчик, и что вам говорит этот набор? – спросил он, улыбаясь моему изумлению.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная, а связанная с ней история покажется вам еще любопытнее.

– Так у этих сувениров есть еще и история?

– В такой мере, что они сами – история.

– Что вы подразумеваете под этим?

Шерлок Холмс перебрал эти предметы и один за другим разложил вдоль края стола. Затем вновь сел в свое кресло и оглядел их удовлетворенным взглядом.

– Это, – сказал он, – все, что у меня осталось на память об эпизоде с Ритуалом Масгрейвов.

Я не раз слышал, как он упоминал это дело, но прежде так и не сумел выяснить никаких подробностей.

– Я был бы так рад, если бы вы рассказали мне о нем, – сказал я.

– И оставил бы мусор валяться, как он валяется? – воскликнул он с той же мягкой насмешкой. – Ваша аккуратность, Ватсон, на поверку оказывается довольно легковесной. Но я был бы рад, если бы вы добавили это дело к вашим анналам, так как в нем есть детали, придающие ему уникальность в криминальных архивах и нашей страны, и любой другой, как мне кажется. Сборник моих пустячных успехов, несомненно, останется неполным без рассказа об этом необычном деле.

Возможно, вы помните, как дело «Глории Скотт» и моя беседа со злополучным человеком, о чьей судьбе я вам рассказал, впервые заставили меня задуматься о профессии, которой затем я посвятил мою жизнь. Вы знаете меня теперь, когда мое имя стало известно повсюду, когда и широкая публика, и силы поддержания закона и порядка видят во мне последнюю инстанцию для нераскрытых дел. Даже когда вы только познакомились со мной во время дела, которое затем увековечили в «Этюде в багровых тонах», я уже тогда обзавелся обширной, хотя и не слишком доходной, практикой. Вы тогда не были в состоянии понять, как трудно мне доставалось вначале и как долго мне пришлось ждать, прежде чем я сумел продвинуться.

Когда я только приехал в Лондон, то снял комнаты на Монтегю-стрит прямо за углом от Британского музея, и там я ждал, заполняя свой обширный досуг изучением всех ветвей науки, которые могли оказаться мне полезными. Порой мне выпадали дела, главным образом благодаря рекомендациям товарищей моих студенческих лет, так как в мои последние годы в университете там ходило много разговоров про меня и мои методы. Третье из этих дел и было связано с Ритуалом Масгрейвов. И к интересу, вызванному этой уникальной цепью событий, а также к открывшимся благодаря им важнейшим обстоятельствам я и возвожу мой первый шаг к моему нынешнему положению.

Реджинальд Масгрейв учился в одном колледже со мной, и я был шапочно знаком с ним. Среди сокурсников он особой популярностью не пользовался, хотя мне всегда казалось, что приписываемая ему гордость на самом деле была попыткой маскировать крайнюю природную застенчивость. Внешность его была предельно аристократической: худощавость, орлиный нос, большие глаза, сдержанные, но изысканно вежливые манеры. Он и правда был отпрыс-

² Зд.: оригинальное (фр.).

ком одного из древнейших родов в королевстве, хотя его ветвь была младшей и отделилась от северных Масгрейвов где-то в шестнадцатом веке, обосновавшись в Западном Сассексе, и Хэрлстоун, их родовой дом, где продолжают жить его владельцы, пожалуй, старейший в графстве. Что-то от его родного дома словно пристало к нему. И при взгляде на его бледное острое лицо, на посадку его головы у меня всегда возникали ассоциации с серыми арками, окнами с каменными столбиками между стекол и всеми прочими овеянными стариной руинами феодальных замков. Иногда между нами завязывался разговор, и я помню, что он не раз выражал горячий интерес к моим методам наблюдения и выводам из него.

Четыре года я ничего о нем не слышал, а затем как-то утром он вошел в мою комнату на Могтею-стрит. Он почти не изменился, был одет франтовато – он всегда был немного денди – и сохранил ту же спокойную, элегантную манеру держаться, которая его всегда отличала.

«Как вы, Масгрейв?» – спросил я после теплого рукопожатия.

«Возможно, – сказал он, – вы слышали о кончине моего бедного отца. Он умер примерно два года назад. С тех пор, разумеется, я занимаюсь управлением Хэрлстоунским поместьем, а так как я член Парламента от моего округа, то все время крайне занят, но, насколько я понимаю, Холмс, вы нашли практическое применение талантам, которыми так изумляли нас».

«Да, именно так, – сказал я. – Пробавляюсь своим умом».

«Я в восторге слышать это, потому что ваш совет сейчас будет для меня крайне ценен. У нас в Хэрлстоуне творится нечто странное, и полиция не сумела пролить на случившееся никакого света. Это, право же, нечто чрезвычайно странное и необъяснимое».

Вы легко можете себе представить, Ватсон, с какой жадностью я его слушал, ведь, казалось, наконец мне представился именно тот самый шанс, которого я с таким нетерпением ждал все эти месяцы безделья.

В глубине души я всегда был убежден, что способен преуспеть, где другие потерпели неудачу, и вот мне представился случай проверить себя.

«Прошу, расскажите поподробнее!» – вскричал я.

Реджинальд Масгрейв сел напротив меня и закурил сигарету, которую я пододвинул ему.

«Вам следует знать, – сказал он, – что я хотя и холост, но держу в Хэрлстоуне порядочный штат прислуги, ведь дом старинный, очень обширный и требует много забот. Кроме того, в моем лесу я развожу фазанов и в сезон охоты на них приглашаю гостей, так что маленьким штатом мне никак не обойтись. Короче говоря, состоит он из восьми горничных, кухарки, дворецкого, двух лакеев и мальчика на побегушках. При садах и конюшне, разумеется, есть свой штат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.